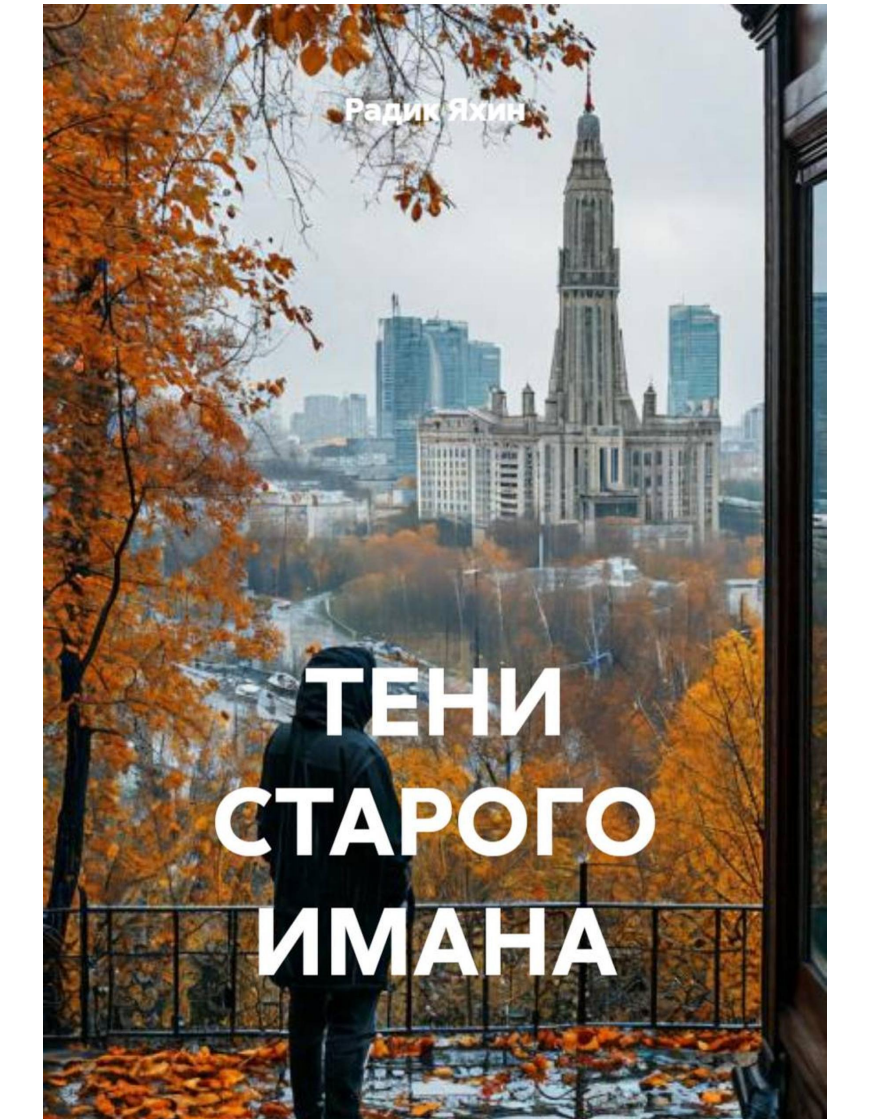

Радик Яхин

ТЕНИ СТАРОГО ИМАНА

Радик Сайфетдинович Яхин

ТЕНИ СТАРОГО ИМАНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73183043

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дождь, который помнит» – пронзительная история о возвращении, утратах и втором шансе, спрятанном в самых неожиданных уголках судьбы.

Айрат возвращается в родную Уфу после десяти лет жизни в Москве – не с триумфом, а с грузом разбитых надежд: бизнес на грани краха, сердце скованно льдом равнодушия после предательства. Город, некогда знакомый до мелочей, теперь встречает его серой пеленой ноябрьского дождя и ощущением чуждости. Он пытается начать с чистого листа, но прошлое не отпускает – пока случайная встреча в супермаркете не переворачивает всё с ног на голову.

Нурия. Девочка из соседнего подъезда, первая любовь, неразделённое признание у берегов Белой реки. Женщина, которую он не видел годами, но которую не смог забыть. Их жизни разошлись, как два потока, разделённые скалой времени, но теперь судьба даёт им шанс – робкий, неуверенный, но реальный.

.

Радик Яхин

ТЕНИ СТАРОГО ИМАНА

Город Уфа встречал Айрата сплошной серой пеленой ноябрьского дождя, который не шел, а висел в воздухе, мельчайшей моросью оседая на кожу и проникая под одежду. Он стоял у окна новой, еще пахнувшей свежей краской и одиночеством, квартиры в новостройке на проспекте Салавата Юлаева и смотрел на раскисшие улицы. Возвращение после десяти лет жизни в Москве не было триумфальным. Оно было тихим, скомканным, как этот ноябрьский день. Он вернулся не с победой, а с усталостью, с разбитым сердцем, которое он тщательно, как дорогую вазу, упаковал в лед равнодушия. Его архитектурное бюро в столице едва выживало после последнего кризиса, а личная жизнь и вовсе рассыпалась в прах, оставив после себя лишь горький осадок предательства. Теперь он был здесь, в родном городе, которому нужно было заново учиться, как чужаку. В кармане жужжал телефон. Звонила мама, Гульнара. «Айратик, ты устроился? Приезжай, борщ сварила». Он ответил, что приедет завтра, сегодня нужно разобрать вещи. Вещей было немного. Коробки с книгами, пара чемоданов с одеждой, ноутбук – весь его скарб. Самым тяжелым грузом были воспоминания, от которых он бежал сюда, на родину, в тщетной надежде, что знакомые с детства улицы, запах влажной листвы

и печного дыма с окраин, звук родной речи исцелят что-то внутри. Он взял с подоконника ключи от машины. Нужно было купить продукты, обжить это пустое пространство. Супермаркет «Урал» был переполнен, как всегда. Он механически складывал в тележку необходимое: хлеб, молоко, макароны, кофе. И тут, в отделе с чаем и сладостями, он увидел ее. Сначала только профиль: прямой нос, высокие скулы, темные волосы, собранные в небрежный, но изящный пучок. Она выбирала пачку душистого башкирского чая «Бирский», внимательно читая состав. На ней было простое шерстяное платье цвета осенней листвы и длинный кардиган. Она повернулась, и их взгляды встретились. Время остановилось. Шум супермаркета – гул тележек, плач детей, назойливые джинглы рекламы – отступил куда-то в дальний фон. Он смотрел в карие, почти янтарные глаза, в которых светился теплый, спокойный интеллект и какая-то неуловимая, давно знакомая печаль. Это была Нурия. Нурия Сафиуллина. Девочка из соседнего подъезда, с которой они в пять лет строили домики из песка на детской площадке, в десять – ходили в один школьный кружок краеведения, а в шестнадцать... В шестнадцать они сидели на скамейке у самой Белой реки, и он, заикаясь от волнения, признался ей в любви, а она, покраснев, взяла его за руку и ничего не сказала, только улыбнулась так, что у него перехватило дыхание. А потом был университет. Он уехал в Москву, она осталась в Уфе, училась на филолога. Они переписывались сначала ча-

сто, потом реже, потом их жизни разошлись, как два потока одной реки, разделенные внезапной скалой. Он слышал, что она вышла замуж, родила ребенка. И вот она стоит здесь, в трех шагах, с пачкой чая в руках, и смотрит на него с тем же немим изумлением. «Айрат?» – ее голос был тише, чем он помнил, но в нем прозвучали те же мелодичные ноты. «Нурия. Привет», – выдавил он из себя, чувствуя, как глупо звучат эти слова после стольких лет. «Ты... вернулся?» – «Вернулся. Насовсем, кажется». Они стояли после прохода, мешая людям, но не замечая этого. «Как ты?» – спросил он, уже понимая, что это самый бессмысленный вопрос на свете. «Живу», – она улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались легкие морщинки, которых не было в восемнадцать. Они были прекрасны. «А ты? Я слышала, ты в Москве стал большим архитектором». «Был. Не совсем большой. И не совсем стал», – он попытался ответить шуткой, но она прозвучала горько. В ее взгляде мелькнуло понимание. «Мама говорила, ты приехал. Я... я рада тебя видеть». Разговор никак не клеился. Слишком много лет, слишком много невысказанного стояло между ними плотной, невидимой стеной. «Мне надо...» – она показала на тележку. «Да, конечно. Извини». «Айрат, – она вдруг сделала шаг навстречу. – Мы... может, как-нибудь чаю попьем? Для старых друзей». В ее глазах была не просто вежливость. Была надежда. И что-то еще, что заставило его сердце, эту заледеневшую вазу, дрогнуть. «Я бы с радостью», – сказал он искренне. Они обменялись те-

лефонами, современный ритуал, заменяющий обещания. Он смотрел, как она идет к кассе, прямая и легкая, и чувствовал, как что-то давно забытое, теплое и тревожное, начинает оттаивать у него внутри. Дождь за окном уже не казался таким унылым.

Айрат не стал ждать. Он написал ей вечером того же дня, коротко и просто: «Чаю того самого «Бирского» я так и не купил. Может, подскажешь, где лучше брать?» Ответ пришел почти мгновенно: «В маленькой лавке на улице Ленина, у Тагира-абзы. Он сам смеси составляет. Только по субботам до обеда работает». «Значит, в субботу», – отправил он. «В субботу», – подтвердила она. До субботы было три дня. Три дня, которые тянулись мучительно долго. Айрат погрузился в дела: встретился с местными застройщиками, которые с интересом отнеслись к его московскому опыту, навел порядок в квартире, навестил родителей. Мама, Гульнара, хлопотала по дому, пахло мясным пирогом бэлиш и свежим хлебом. Отец, Рамиль, молчаливый и мудрый, сидел с газетой, лишь изредка бросая на сына оценивающий взгляд. «Ты повзрослел, сынок. Похудел. Москва вымотала», – сказал он за ужином. «Да, папа, вымотала», – согласился Айрат. «А Нурию Сафиуллина не встречал? Она тут недавно в нашем доме новую библиотеку организовывала, умница какая», – как бы невзначай заметила мама. Айрат поперхнулся чаем. «Встретил. В магазине». Родители переглянулись. Этот взго-

вор говорил о многом. Они помнили их юношескую привязанность, помнили, как Айрат ходил мрачный целый месяц после того, как Нурия вышла замуж. «Она сейчас одна, – тихо сказала Гульнара. – Муж ее, Ильдар, тот самый банкир, два года назад уехал в Казань по работе, а сам завел там новую семью. Развелись. С ребенком она осталась, с девочкой, Лейлой, ей сейчас пять лет. Живут у ее матери, Гульсины, в том же старом доме на улице Революционной». Информация обрушилась на Айрата лавиной. Она была свободна. И у нее была дочь. Он не знал, что он чувствует: жалость, надежду или старую, знакомую боль. «Тяжело ей пришлось, – вздохнул Рамиль. – Ильдар человек видный был, но характер... Нурия все терпела, ради ребенка. А когда узнала про другую, не стала мириться. Гордая. Как и ее мать». Суббота наступила внезапно. Айрат приехал к лавке Тагира-абзы раньше. Это была крохотная, уютная пахнувшая древесиной, сушеными травами и дальними странствиями лавочка. За прилавком сидел седой, с умными глазами старик и что-то записывал в толстую grossбух. «Молодой Айрат, сын Рамиля?» – удивительно точно угадал старик. Айрат кивнул. «Ждешь Нурию. Она всегда в это время приходит. За чаем «для ясного ума», как говорит. Прекрасная девушка. Сердце чистое, но груз на нем тяжелый». Айрат хотел что-то спросить, но в дверь вошла она. В простых джинсах, пуховике и с распущенными по плечам волосами, от которых пахло ветром и чем-то цветочным. «Тагир-абзы, здравствуйте! Айрат,

ты уже здесь». Они купили чай – сложную ароматную смесь с чабрецом, зверобоем и листьями смородины. «Пойдем погуляем? – предложил Айрат. – Река близко». Они пошли к набережной Белой. Туман стлался над водой, скрывая противоположный берег. Они шли молча, но это молчание не было неловким. Оно было наполнено тысячей невысказанных слов. «Расскажи о себе, – наконец сказала Нурия. – Что привело тебя обратно?» И он рассказал. О карьере, которая взлетела, а потом рухнула, о предательстве партнера, о невесте, которая ушла к этому самому партнеру, о чувстве полного краха и опустошенности. Говорил скупно, без эмоций, но она слушала так внимательно, как будто собирала каждое слово в драгоценную шкатулку. «А ты? – спросил он. – Мама рассказала... про Ильдара». Нурия посмотрела в туман. «Да, все так и было. Я думала, что любовь – это как в книгах: раз и навсегда. Оказалось, что можно быть удобной, красивой, но ненужной. Он хотел сына, а родилась Лейла. Потом его работа, постоянные разъезды... Я оставалась одна с ребенком, с работой в университете. А когда узнала про другую, поняла, что боролась за призрак. Самое сложное было не развод, а объяснить все Лейле. Она до сих пор спрашивает, когда папа вернется». Голос ее дрогнул. Айрат инстинктивно взял ее за руку. Она не отняла ее. Ее пальцы были холодными и хрупкими. «Прости, что тебе пришлось через это пройти», – прошептал он. «Не ты виноват. Жизнь такая. А знаешь, что самое смешное? Когда я увидела тебя в магази-

не, первая мысль была: «Айрат. И снова дождь». Помнишь, у реки, в тот день, тоже морось начиналась?» Он помнил. Он помнил каждую секунду того дня. «Помню». Они дошли до их старой скамейки. Она была та же, только краска облупилась. Они сели. Туман сгущался. «А что теперь? – спросила Нурия, глядя на него прямо. – Какие планы у вернувшегося архитектора?» «Выживать. Начинать с начала. Найти здесь свое место. А еще...» Он запнулся. «А еще?» «А еще хочу заново узнать город. И некоторых его жителей». Она улыбнулась, и в этот раз улыбка достигла глаз, разогнав печаль. «Это хороший план. Я могу быть гидом. Я знаю здесь каждый уголок, каждый камень с историей». «Договорились». Они проговорили еще час, пока пальцы не задеревенели от холода. Провожая ее до дома, того самого, старого двухэтажки на Революционной, Айрат почувствовал, как внутри него зажглась маленькая, но упрямая искра тепла. Он смотрел, как она поднимается по ступенькам, обернулась и помахала ему рукой, и понял, что его бегство на родину, возможно, было не бегством, а возвращением. Не к месту, а к себе. И, возможно, к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.